

В. В. Хилюта

Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы (ГрГУ имени Я. Купалы)
г. Гродно, Республика Беларусь

Онтологические аспекты понимания общественной опасности как признака преступления

Резюме. В статье рассматривается вопрос о понимании и значении общественной опасности в рамках определения понятия «преступление». Анализируются онтологические основы общественной опасности, и делается вывод о бесперспективности данного понятия в ракурсе общего учения о преступлении. Автором обосновывается идея о том, что общественная опасность производна от причиняемого вреда. Именно вред формирует общее понятие преступления, определяет его контуры и характерные признаки. Общественная опасность не представляет собой объективного признака преступного деяния, она довольно условна и характеризуется во многом конъюнктурными соображениями законодателя, которые находятся за гранью уголовного права. Оценка того или иного поведения человека не может быть универсальной, и поэтому категория общественной опасности всегда нужна только для того, чтобы обосновать необходимость введения того или иного уголовно-правового запрета. Констатируется, что общественная опасность не может характеризовать преступление, т.к. оно всегда связано с причинением вреда, а общественная опасность является производной от причиненного вреда (или вреда, который мог быть причинен социальным ценностям). Именно вред характеризует деяние как опасное или неопасное. Поэтому основной акцент в понимании преступления должен быть смещен в плоскость вреда, его значимости и существенности для определения понятия того, что является преступлением. В таком ракурсе общественная опасность есть необходимая составляющая вреда и ее понимание может обрести смысл только через общее понимание вреда как последствия преступления. Следовательно, преступление — это наносящее вред охраняемым ценностям деяние, которое совершено физическим лицом виновно и признаки которого указаны в уголовном законе.

Ключевые слова: преступление; признаки преступления; общественная опасность; вред; личность преступника; причинение вреда; уголовное право; состав преступления; вредоносность деяния

Для цитирования: Хилюта В. В. Онтологические аспекты понимания общественной опасности как признака преступления. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 2. С. 60–69. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.060-069

Ontological Aspects of Understanding Public Danger as an Element of a Crime

Vadim V. Hilyuta

Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Republic of Belarus

Abstract. The paper examines the issue of understanding and meaning of public danger within the definition of the concept of «a crime». The author focuses on ontological foundations of social danger and draws the conclusion about the futility of this concept in the perspective of the general doctrine of a crime. The author substantiates the idea that social danger is derived from the harm caused. It is harm that forms the general

concept of a crime, defines its contours and characteristic features. Public danger does not represent an objective element of a criminal act, it is rather conditional and is characterized in many ways by arbitrary considerations of the legislator, which are beyond the scope of criminal law. Assessment of a particular human behavior cannot be universal, and, therefore, the category of public danger is always required today only in order to justify the need to introduce a particular prohibition under criminal law. The paper states that public danger cannot characterize a crime, because crime is always associated with harm, and public danger is a derivative of the harm caused (or harm that could have been caused to social values). It is harm that characterizes an action as either dangerous or non-dangerous. Therefore, the main emphasis in understanding the crime should be shifted to the category of harm, its significance and materiality in order to define the concept of what constitutes a crime. In this perspective, public danger is a necessary element of harm and its understanding can only make sense through a general understanding of harm as a consequence of a crime. Therefore, a crime is an act that harms protected values, committed by an individual culpably and the elements of which are indicated in the criminal law.

Keywords: crime; elements of crime; public danger; harm; identity of the offender; causing harm; criminal law; corpus delicti; harmfulness of the act

Cite as: Hilyuta VV. Ontological Aspects of Understanding Public Danger as an Element of a Crime. *Lex russica*. 2024;77(2):60-69. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.060-069

Общественная опасность является одним из фундаментальных и системообразующих понятий уголовного права. Можно даже без преувеличения сказать, что все отечественное уголовное право покоится на данном понятии — «общественная опасность». Помимо того, что это понятие определяет сущность преступления и де-факто предопределяет его, общественная опасность пронизывает все уголовное право и его центральные институты: преступление и наказание.

Казалось бы, при столь значимой позиции данного института для уголовного права понятие и характеристика общественной опасности должны были быть детально определены и разработаны не только в самом уголовном праве, но в первую очередь в его доктрине. И не скажешь, что этого не произошло и нам ничего по этому поводу неизвестно, однако определенный осадок при исследовании данного института всегда остается, т.к. в его функциональном состоянии присутствуют некие недосказанность и нерешенность. Связано это во многом и с тем, что за пределы аксиоматичного определения того, что общественная опасность характеризуется причинением вреда или созданием угрозы причинения вреда общественным отношениям (а по сути, личности, обществу или государству), выйти так и не удалось. Именно поэтому обще-

ственную опасность сегодня стали характеризовать как фантом, ибо во многом ее смысловое и содержательное наполнение зависит от чисто субъективных факторов и обстоятельств, связанных с конъюнктурой, целесообразностью (политической, экономической, социальной), историческим моментом развития государства и социума в целом. В этой связи теперь можно без преувеличения сказать: всё, что противоправно, и является общественно опасным¹.

Наверное, не без оснований по этой причине сегодня всё настойчивее звучат призывы к отказу от данной правовой дефиниции как чисто теоретической конструкции, не имеющей содержательной составляющей. И связывается это именно с неопределенностью и противоречивостью понимания общественной опасности, невозможностью интегрирования ее смыслового значения в правоприменительную деятельность и т.д. Всё это в конечном счете ведет к формулированию понятия преступления как исключительно противоправного деяния². Но если мы говорим об общественной опасности как признаке преступления, то можно ли на одну плоскость ставить общественную опасность преступления и общественную опасность деяния? Более того, не «растворяется» ли общественная опасность в том вреде, который и предопределяет то или иное деяние как

¹ См.: Хилюта В. В. Общественная опасность и криминализация в системе мер безопасности // Вестник Югорского государственного университета. 2022. № 4. С. 44–50.

² П. С. Яни и Э. С. Мурадов признают, правда с оговоркой, за общественной опасностью объективное свойство преступления. И эта оговорка заключается только в том, что в силу неопределенности общественной опасности нужна правоприменителю как определенный простор для принятия решений согласно концепции усмотрения (Яни П. С., Мурадов Э. С. Вина, виновность, общественная опасность // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 1. С. 17).

преступное? Ведь если учиняется некоторое деяние, то мы его облачаем в некую форму и наделяем общественной опасностью сугубо по тому вреду, который был причинен или может быть причинен в результате реализации этого деяния.

Но поскольку в данном случае имеет место интерпретация самого деяния с точки зрения того, какой вред может быть причинен в результате его совершения, наделять деяние общественной опасностью не совсем верно. Скорее, наоборот, не деяние является общественно опасным, а само преступление в целом, и только лишь потому, что характер и степень причиняемого вреда выводят его в плоскость опасного и антисоциального поведения, крайне вредного для общества и государства.

Тем не менее в правовой литературе именно характер и степень общественной опасности деяния продолжают рассматриваться в качестве составных частей и главных характеристик этого понятия. И связано это во многом с тем обстоятельством, что сущность общественной опасности определяется всеми элементами состава преступления. Отсюда и выводятся положения о том, что определяет качественный и количественный критерии общественной опасности.

На наш взгляд, здесь непринципиален вопрос о том, связывается ли сегодня общественная опасность исключительно с объектом преступления или же с составом преступления. При прочих равных условиях можно обосновать любую точку зрения и увязать общественную опасность исключительно с теми ценностями, на которые происходит посягательство, либо видеть общественную опасность в любом элементе состава преступления. Но общественная опасность деяния производна от вреда, который и формирует понятие преступления.

Более того, если любое преступление посягает на те ценности, которые признаются и разделяются большинством членов общества, то это обстоятельство легитимирует природу государственного насилия в отношении лица, совершающего посягательство на установленный правопорядок и существующие ценности. Од-

нако является ли это посягательство общественно опасным — вопрос во многом условный. Оценочность категории «общественная опасность» не может быть безграничной, с одной стороны, но с другой — все попытки придать строго определенный формат общественной опасности через ее характер и степень также ни к чему серьезному не привели.

Этот процесс бесконечен, потому что общественная опасность представляет собой известную область неопределенности, причем и на стадии криминализации (декриминализации) поведения лица, и в процессе применения уголовного закона. Поэтому утверждение Ю. Е. Пудовочкина о том, что «с теоретической и практической точек зрения целесообразно и даже необходимо различать общественную опасность преступления и общественную опасность деяния, которое может быть (должно быть) признано преступлением»³, не вносит ясности в обсуждаемый контекст рассматриваемой проблемы, а еще больше запутывает ее. Ибо если сегодня деяние является генеральным признаком преступления, то именно оно преступление и предопределяет, т.е. общественная опасность деяния наделяет преступление такой же опасностью⁴. В данном случае общественная опасность больше ниоткуда не берется. Она не может проистекать из признака виновности или противоправности. И что дает нам этот теоретический посыл? Пока не совсем понятно, потому что даже при установлении признаков малозначительности деяния мы в первую очередь отвечаем на вопрос о том, причинило ли оно существенный вред охраняемым отношениям и было ли направлено на причинение такого (существенного, значимого) вреда.

Один из принципиальных посылов в понимании общественной опасности состоит в том, что уголовное право основывается на поведении людей и если они нарушают установленные предписания, то установлению в процессе криминализации общественных отношений подлежат характер и степень подобных нарушений, что может быть измерено посредством определения того вреда, который может

³ Пудовочкин Ю. Е. Оценка судом общественной опасности преступления. М, 2019. С. 7.

⁴ Тем не менее В. М. Коган обращал внимание на то, что общественная опасность в этом случае имеет противоречивый характер. Так, по его мнению, «поскольку опасны для общества вред либо угроза вреда лишь определенным (а не любым) объектам, постольку общественная опасность деяния находится вне его самого. Поскольку же вред либо угроза вреда определенным объектам создается лишь определенным (а не любым) деянием, постольку общественная опасность деяния находится в нем самом» (Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М. : Наука, 1983. С. 81).

быть причинен. При этом, характеризуя общественную опасность, мы должны указать, что она выступает свойством преступления, а поведение человека является предметом преступного деяния. И как отмечал по этому вопросу В. В. Мальцев, общественная опасность преступления связана с природным (способность изменять внешнюю среду) и социальным (способность к проявлению в общественно-конфликтной форме) свойствами деяния⁵.

Таким образом, общественная опасность в основе поступка человека видит его способность изменять окружающую среду (или воздействовать на нее). Соответственно, последствия от совершенного деяния (или возможность их наступления) лежат в основе построения категории «общественная опасность». Наряду с этим, общественная опасность производна от той деятельности, которую осуществляет человек. Именно способ деятельности человека предопределяет опасность тех последствий, которые могут наступить. И если мы ведем речь о том, что право регулирует поведение людей относительно социальных ценностей, то содержание общественной опасности следует искать в том вреде, который причиняется общественным отношениям. С этой точки зрения общественная опасность преступления находит свое выражение при формулировании конкретной уголовно-правовой нормы. В этом аспекте можно предположить (с учетом анализа дефиниций уголовно-правовых норм), что общественная опасность преступления прямым образом находит свое выражение:

а) в поведении человека, его деянии, т.е. способе реализации его намерений;

б) в том вреде, который причиняется или может быть причинен общественным отношениям;

в) в опасности личности (деятеля), осуществляющего свое намерение.

Такая обрисовка позволяет выделить типы поведения лица и именовать их в дальнейшем преступлением или правонарушением. И в дан-

ном ракурсе именно фактически причиненный (или потенциальный) вред формирует категорию общественной опасности, а не наоборот, т.к. уголовное право ставит своей задачей охрану общественных отношений, ценностей и социальных благ от причинения им вреда (ущерба). Любая общественная опасность проявляется во вредоносности. Поэтому опасность деяния всегда трансформируется в социально вредные последствия, которые могут носить качественный или количественный характер. С другой стороны, если мы утверждаем, что общественно опасное поведение есть единственный источник антисоциального свойства — поведения человека, то мы не можем выносить за скобки самого деятеля, т.е. лицо, совершившее общественно опасное деяние. На наш взгляд, невозможно сегодня просто отрицать тот факт, что общественная опасность личности, как и ее деяние, не должна находить свое выражение в конкретном составе преступления. Конструкция уголовно-правовых норм свидетельствует о том, что, помимо самого деяния, законодатель дает оценку и личности, совершающей это деяние⁶. А это прямым образом формирует общественную опасность, которая учитывает и деяние, и самого деятеля.

Анализ правоприменительной практики позволяет утверждать, что не только общественная опасность находится в самом деянии, но и ее признаки содержатся в лице, совершающем это деяние. Тем не менее, если мы не можем определить, что представляет собой общественная опасность, и предпочитаем вести разговор о ней в оценочном ключе, тогда следует признать, что общественная опасность не может быть выведена посредством правил формальной логики и не может поддаваться данным правилам при ее определении. И если общественная опасность носит оценочный характер, то и само понятие преступления также весьма оценочно, поскольку общественная опасность деяния сегодня главный признак преступления. В таком случае общественная

⁵ См.: Мальцев В. В. Курс российского уголовного права. Общая часть : в 4 т. М. : Юрлитинформ, 2017. Т. 3 : Преступление. Кн. 1 : Категория «преступление» в уголовном праве: научное исследование. С. 73.

⁶ Как некогда указывал А. Э. Жалинский, «идентифицирующим признаком уголовно-правового характера запрета является также связь деяния и личности, что не ограничивается виной, и прямо предусмотрено частью 3 ст. 60 УК РФ “Общие начала назначения наказания”, где обязывается при назначении наказания учитывать характер и степень общественной опасности деяния и личности виновного» (Жалинский А. Э. Избранные труды : в 4 т. / отв. ред. О. Л. Дубовик. М. : ВШЭ, 2015. Т. 2 : Уголовное право. С. 28). Из этого следует вывод, что общественная опасность всегда приписывается деянию личности и именно оно ставится в упрёк этой самой личности.

опасность есть объективная фикция и не имеет четких правил ее установления и конечного выражения (отождествления). Но очевидно и то, что общественная опасность является предметом оценки.

Следует признать данностью, что в настоящее время определенное деяние или поведение человека признается преступлением по воле законодателя. Является ли при этом то или иное деяние (поведение) опасным и, как следствие, преступным, определяет только сам законодатель, исходя из различных обстоятельств и руководствуясь факторными мотивами. Общественная опасность в этой системе производна, вторична и придает этому процессу конечный характер и правовое обоснование. Поэтому при такой постановке вопроса мы вынуждены констатировать, что порой, по логике законодателя, опасно даже не деяние человека, а сам человек — личность, субъект правонарушения (преступления), как в случае с административной преюдицией. В такой плоскости общественная опасность преступления вполне может быть увязана с общественной безопасностью государства, общества, личности и в конечном итоге с общественной защитой (превенцией). Хотя это мы уже проходили в недавнем советском прошлом, тем не менее сегодня этой идее пытаются придать новый импульс.

Отметим, что общественная опасность не может быть выведена из человеческого бытия, той реальности, в которой мы находимся, хотя бы по той причине, что это есть зло, такое же непознаваемое и объективно невы выводимое

по формально заданным правилам. Следовательно, общественная опасность относится как к деянию, так и к лицу, его совершающему. Оценка сугубо деяния в отрыве от лица не может разрешить проблему понимания того, что представляет собой преступление. Яркий пример — малозначительное деяние, которое может иметь место при установлении признаков как преступления, так и правонарушения, где критерием малозначительности выступает не только само деяние, но и деятель⁷.

С другой стороны, сущность общественной опасности не может быть выведена из самого деяния (преступного поведения). Общественная опасность возникает из того вреда, который причиняется охраняемым социальным интересам и ценностям (благам). Мера такой опасности и степень вреда устанавливаются в результате социальной оценки совершенного лицом деяния (поведения). Поэтому общественная опасность никогда не возникает сама по себе. Для оценки совершенного деяния важно то последствие, которое наступает (или может наступить) и способно причинить урон охраняемым социальным ценностям. Это последствие характеризует вредоносность самого деяния и его опасность⁸.

Категория общественной опасности не может являться постоянной, она точно так же изменчива, как и те социальные отношения, которые функционируют в обществе. Безусловно, есть фундаментальные ценности (жизнь, здоровье, собственность), которые охраняются во все времена, но отношение к данным социальным ценностям не всегда равнозначное⁹.

⁷ Например, в ст. 8.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, предусматривающей основания освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения, содержатся положения, которые не позволяют применять институт малозначительности: «1) к индивидуальному предпринимателю, если совершенное правонарушение связано с осуществляемой им предпринимательской деятельностью; 2) к должностному лицу в случае совершения им правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих должностных (служебных) обязанностей; 3) если повторное совершение административного правонарушения влечет уголовную ответственность; 4) по делам о правонарушениях, влекущих административную ответственность по требованию потерпевшего или его законного представителя». То есть малозначительность связывается в том числе и с признаками лица, совершившего деяние.

⁸ Не случайно по этому поводу О. А. Михаль указывал на то, что «общественную опасность необходимо искать за пределами уголовного права, в социальной действительности» (Михаль О. А. Характер и степень общественной опасности преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 4. С. 21). То есть с этой точки зрения можно сказать, что причинение вреда это всего лишь предпосылка общественной опасности, поскольку мы в этой ситуации должны выйти за пределы конкретного состава преступления, ибо механизм причинения вреда никогда не связан «совокупностью норм».

⁹ Например, в Древней Греции рабы считались вещью, и такая вещь ничего не стоила. Раба можно было убить, и для его хозяина ответственность за это деяние не наступала.

Общественная опасность постоянно трансформировалась под влиянием экономической и политической системы общества, с изменением морально-нравственных норм общества. С этой точки зрения общественная опасность — категория не уголовно-правовая в чистом виде, а социальная, она во многом субъективна (а не объективна, как это утверждается в правовой литературе). Именно поэтому основной акцент в понимании преступления должен быть в плоскость вреда, причиняемого деянием, а не общественной опасности самого деяния¹⁰. И поскольку решающее значение в определении степени общественной опасности принадлежит ценностной характеристике вреда, именно вред должен определять контуры преступления, а не общественная опасность¹¹. Следовательно, вред характеризует деяние как преступление и позволяет отличить его от иных правонарушений¹². Более того, любое деяние не расценивается как преступление именно

потому, что не причиняется реального вреда социальным ценностям (или отсутствует угроза причинения такого вреда), а не потому, что деяние является малозначительным. Не малозначительность, а характер вреда позволяет развести преступление и правонарушение.

Общественная опасность с этих позиций не представляет собой объективного признака преступного деяния, она довольно-таки условна и характеризуется во многом конъюнктурными соображениями, которые находятся за гранью уголовного права¹³. Все постулаты об общественной опасности не более чем ширма, которой удобно в нужный момент прикрыться и которую при необходимости легко отодвинуть в сторону. Оценка того или иного поведения человека не может быть универсальной, поэтому категория общественной опасности всегда нужна будет только для того, чтобы обосновать необходимость введения того или иного уголовно-правового запрета, и поводы для этого

¹⁰ Иной подход к этому вопросу у С. А. Бочкарева. Он полагает, что «вред характеризует состояние (свойства) вещей, их пригодность или непригодность для членов социума, а опасность — состояние человека, общества и государства, их способность к адекватному, безопасному восприятию вещей и явлений, окружающих их внешних обстоятельств». Отсюда «опасность, в отличие от вреда, не измеряется арифметическими и экономическими коэффициентами, не носит материального, морального, физического или иного характера, не имеет правомерного либо противоправного значения» (Бочкарев С. А. О природе общественной опасности преступления // Бизнес в законе. 2009. № 5. С. 157, 159). Однако такое представление об общественной опасности крайне аморфно и неопределенно, причем оно отождествляется на уровне рассудка и ощущений. Опасность, в отличие от вреда, — это абстрактное состояние. Вред же имеет практический базис, всегда объективен, вытекает из человеческого опыта. Например, назначая наказание, суд руководствуется не общественной опасностью самого деяния, а фактически тем вредом, который был причинен в результате совершения преступления.

¹¹ Не зря по этому поводу А. И. Марцев сетовал на то, что «общественную опасность следует рассматривать в качестве вторичного последствия преступного поведения или преступной деятельности» (Марцев А. И. Преступление: социально-правовой анализ. Омск : Омская академия МВД России, 2012. С. 6).

¹² Это обстоятельство позволило Г. П. Новоселову прийти к выводу о том, что, сохранив в определении понятия преступления признак общественной опасности, уголовный закон определяет преступление как «такое отношение лица к личности, обществу или государству, которое выражается в совершении деяния, причиняющего или создающего угрозу причинения вреда именно им (личности, обществу или государству), а не общественным отношениям» (Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М. : Норма, 2011. С. 110–115). Вопрос о том, кому (или чему) причиняется вред, весьма дискуссионный. И главным образом эта дискуссия упирается в то, что один и тот же вопрос исследователи обсуждают с разных сторон, с разных углов зрения. Поэтому при неизменности того постулата, что преступление причиняет вред, ответ на вопрос о том, кому или чему может быть причинен вред, видится разным: общественным отношениям, людям, социальным ценностям и благам, норме права и т.д.

¹³ Так, Ю. Е. Пермяков обращал внимание на то, что «объективное содержание общественной опасности не зависит от мнения законодателя и тех признаков, с помощью которых поступки человека приобретают уголовно-правовое значение. Оно обусловлено характером социального взаимодействия — производства, общения, управления и освоения культуры, — фрагментом которого выступает преступное деяние» (Пермяков Ю. Е. Категория «общественная опасность» в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. С. 8).

(как и необходимые аргументы), поверьте, найдутся.

Следует сказать и о том, что в настоящее время основной посыл применительно к личности правонарушителя (преступника) и общественной опасности сводится к тому, что общественная опасность выражается только самим деянием, т.е. объективными внешними признаками, а общественная опасность личности никогда не может выступать основанием уголовной ответственности. То есть фактически в основе общественной опасности лежит объективный критерий — само деяние и объект посягательства, но почему тогда не придается значения субъективным признакам преступления? На каком основании они отсекаются? Действительно ли общественная опасность характеризует лишь деяние, но не само лицо?

Итак, если мы ставим вопрос о том, что общественная опасность присуща преступлению в целом, а не деянию, то тогда возникает проблема иного рода: вправе ли мы разделять деяние и деятеля? Ведь если преступление опасно, то вполне понятно, что опасно и лицо, его совершившее. Следовательно, общее понятие преступления должно содержать и указание на субъекта, т.е. на лицо, его совершающее. Очевидно, что здесь общественная опасность связывается как с самим деянием, так и с деятелем и не может быть отделена. В этом контексте

некоторые исследователи заостряют внимание на том, что «сведение сущности общественной опасности только лишь к причинению или созданию угрозы причинения вреда общественным отношениям приводит к искаженному отрыву деяния (действия или бездействия) от личности, которая его совершила»¹⁴.

Можно рассуждать иначе. Если сегодня, как указывают многие, общественная опасность олицетворяет весь состав преступления и «разливается» в нем, то очевидно также, что общественной опасностью обладает и субъект преступления, сам деятель. Как отмечает И. Я. Гонтарь, «именно личность, основу которой образует сознание, предстает объектом воздействия всей системы уголовного права, и только на сознание личности, а не на ее поведение как свойство этой личности, уже производное от сознания, может воздействовать и воздействует институт наказания»¹⁵. То есть деяние как таковое является показателем общественной опасности личности, его учинившей¹⁶. А. И. Марцев тоже указывал на то, что «главенствующим в образовании и развитии общественной опасности деяния является человек, в сознании которого сформировалась идея о возможности совершения преступления и который предпринимает усилия для реализации этой возможности»¹⁷.

Отрицать личность в понимании общественной опасности, полагаем, бессмысленно.

¹⁴ Сыч К. А., Панарина В. В. Общественная опасность деяния в связи с позитивистской концепцией опасного состояния личности // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сборник тезисов выступлений и докладов; Рязань, 21–23 ноября 2017 г. : в 8 т. Рязань, 2017. Т. 2. С. 99.

Иная точка зрения у Ю. Е. Пудовочкина, который замечает, что «опасность личности виновного, пожалуй, только в одном случае может составлять компонент опасности преступления: если свойства личности законодатель придает значение одного из признаков состава преступления» (Пудовочкин Ю. Е. Указ. соч. С. 28).

¹⁵ Гонтарь И. Категория «общественная опасность» в уголовном праве: онтологический аспект // Уголовное право. 2007. № 1. С. 17.

¹⁶ По мнению И. А. Солодкова, общественная опасность преступления складывается из причиненного вреда (или угрозы его причинения) и злонамеренности лица, а это отражает уровень потенциальной возможности совершения им новых преступлений (Солодков И. А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 8). Б. Т. Разгильдиев также полагает, что «общественная опасность деяния в качестве своей органической части включает в себя опасность личности» (Разгильдиев Б. Т. Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 215). Ю. А. Демидов указывал на то, что общественная опасность личности виновного может занять доминирующее положение по отношению к общественной опасности деяния, не становясь тем не менее основанием уголовной ответственности, поскольку общественная опасность преступника определяется общественной опасностью его преступного деяния (Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М. : Юрид. лит., 1975. С. 92–96).

¹⁷ Марцев А. И. Указ. соч. С. 12.

Ведь уголовное право не борется с «голым» деянием, а имеет своей целью предупредить совершение новых преступлений конкретными лицами, т.е. противодействовать самой личности, а не ее деянию. Человек не может быть придатком своего собственного деяния. Следовательно, общественная опасность обретает свою плоть в физическом лице.

Не будем в этой связи забывать то, что преступление, безусловно, деяние конкретного человека. Но преступлением это поведение становится не сразу, а в связке с тем вредом, который причиняется или может быть причинен¹⁸. Соответственно, только вред может характеризовать преступление как общественно опасное деяние. Но в такой системе координат это вовсе и не нужно. Лицо может сколько угодно признаваться социально опасным, однако если оно не причиняет какого-либо вреда и его деятельность не направлена на причинение такого вреда, то ни о какой общественной опасности личности говорить не приходится, поскольку такая опасность находится вне контекста преступления. Лицо просто не совершает никакого посягательства на какие-либо социальные ценности. Здесь можно говорить лишь о мерах социальной защиты, но эти

меры не образуют предмет уголовного права¹⁹. Есть личности, потенциально представляющие общественную опасность²⁰, и в отношении них следует применять предупредительные меры, меры социальной защиты и т.д., но эти меры не связаны с элементами уголовно-правового воздействия.

Соответственно, общественная опасность не может характеризовать преступление, ибо оно всегда связано с причинением вреда, а общественная опасность является производной от причиненного вреда (или вреда, который мог быть причинен социальным ценностям). Именно вред характеризует деяние как опасное или неопасное. Поэтому основной акцент в понимании преступления должен быть смещен в плоскость вреда, его значимости и существенности для определения понятия того, что является преступлением. В этом отношении *преступление — это наносящее вред охраняемым ценностям деяние, которое совершено физическим лицом виновно и признаки которого указаны в уголовном законе*. В таком ракурсе общественная опасность есть необходимая составляющая вреда и ее понимание может обрести смысл только через общее понимание вреда как последствия преступления²¹.

¹⁸ А. Е. Тесленко подчеркивает, что совершенное деяние «становится общественно опасным только тогда, когда уже сформировались общественные отношения (ценности, блага), нарушение которых и представляет собой содержание этого правонарушения» (Тесленко А. Е. Общественная опасность как основание криминализации экономических преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 2. С. 85).

¹⁹ Отсюда становится понятным вывод Д. В. Мирошниченко о том, что понятие общественной опасности связано не с самим фактом совершения конкретного преступления, а с оценкой личности как социально опасной (Мирошниченко Д. В. О понятии «общественно опасная личность» и его значении для предупреждения преступлений // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 1. С. 114). Сказанное может свидетельствовать только о том, что необходимо и дальше совершенствовать законодательство о социальной защите и профилактике преступлений, в основе которого лежат именно идеи безопасности и социальной защиты, общественной опасности личности.

²⁰ Правоведы обращают внимание, что опасное состояние личности может быть обусловлено ее специфическими характеристиками (алкоголизм, невменяемость, тунеядство и т.д.), а также характеристиками ранее имевшейся криминальной истории (рецидивизм, судимость и т.д.) (Бриллиантов А. В., Щербаков А. Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2010. № 10. С. 92–94). В этой связи при наличии достаточных оснований должны применяться превентивные меры воздействия.

²¹ В данном случае мы не связываем последствие с признаком объективной стороны состава преступления, а имеем в виду общее значение последствия в рамках совершенного преступного деяния человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бочкарев С. А. О природе общественной опасности преступления // Бизнес в законе. 2009. № 5. С. 155–159.
- Бриллиантов А. В., Щербаков А. Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2010. № 10. С. 90–98.
- Гонтарь И. Категория «общественная опасность» в уголовном праве: онтологический аспект // Уголовное право. 2007. № 1. С. 16–19.
- Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М. : Юрид. лит., 1975. 184 с.
- Жалинский А. Э. Избранные труды : в 4 т. / отв. ред. О. Л. Дубовик. Т. 2 : Уголовное право. М. : ВШЭ, 2015. 591 с.
- Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М. : Наука, 1983. 183 с.
- Мальцев В. В. Курс российского уголовного права. Общая часть : в 4 т. Т. 3 : Преступление. Кн. 1 : Категория «преступление» в уголовном праве : научное исследование. М. : Юрлитинформ, 2017. 520 с.
- Марцев А. И. Преступление: социально-правовой анализ. Омск : Омская академия МВД России, 2012. 75 с.
- Мирошниченко Д. В. О понятии «общественно опасная личность» и его значении для предупреждения преступлений // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 1. С. 107–115.
- Михаль О. А. Характер и степень общественной опасности преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 4. С. 20–24.
- Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М. : Норма, 2011. 208 с.
- Пермяков Ю. Е. Категория «общественная опасность» в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. 22 с.
- Пудовочкин Ю. Е. Оценка судом общественной опасности преступления. М. : РГУП, 2019. 222 с.
- Разгильдиев Б. Т. Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 214–224.
- Солодков И. А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 24 с.
- Сыч К. А., Панарина В. В. Общественная опасность деяния в связи с позитивистской концепцией опасного состояния личности // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации), Рязань, 21–23 ноября 2017 г. : сборник тезисов выступлений и докладов : в 8 т. Т. 2. Рязань, 2017. С. 96–102.
- Тесленко А. Е. Общественная опасность как основание криминализации экономических преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 2. С. 84–87.
- Хилюта В. В. Общественная опасность и криминализация в системе мер безопасности // Вестник Югорского государственного университета. 2022. № 4. С. 44–50.
- Яни П. С., Мурадов Э. С. Вина, виновность, общественная опасность // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 1. С. 13–18.

REFERENCES

- Bochkarev SA. On the nature of the public danger of crime. *Business in Law*. 2009;5:155-159. (In Russ.).
- Brilliantov AV, Shcherbakov AD. The theory of the dangerous condition of person: one step forward or two steps back? *State and Law*. 2010;10:90-98. (In Russ.).
- Gontar I. The category of «public danger» in criminal law: the ontological aspect. *Criminal Law*. 2007;1:16-19. (In Russ.).
- Demidov YuA. Social value and evaluation in criminal law. Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1975. (In Russ.).
- Zhalinsky AE. Selected works: in 4 volumes. Ed. by O. L. Dubovik. Vol. 2: Criminal law. Moscow: HSE Publishing House; 2015. (In Russ.).
- Kogan VM. The social mechanism of criminal law impact. Moscow: Nauka Publ.; 1983. (In Russ.).
- Maltsev VV. The course of Russian criminal law. General Part: in 4 vols. Vol. 3: A Crime. Book 1: The category of «crime» in criminal law: scientific research. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2017. (In Russ.).

Martsev AI. A Crime: socio-legal analysis. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ.; 2012. (In Russ.).

Miroshnichenko DV. On the concept of a «socially dangerous person» and its significance for the prevention of crimes. *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*. 2020;1:107-115. (In Russ.).

Mikhail OA. The nature and degree of public danger of the crime. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2009;4:20-24. (In Russ.).

Novoselov GP. The doctrine of the object of the crime. Methodological aspects. Moscow: Norma Publ.; 2011. (In Russ.).

Permyakov YuE. The category of «public danger» in Soviet criminal law. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Moscow; 1989. (In Russ.).

Pudovochkin YuE. The court's assessment of the public danger of the crime. Moscow: RGUP Publ.; 2019. (In Russ.).

Razgildiev BT. Public danger of crimes and other offenses. *Biblioteka kriminalista = Criminalist's Library*. 2013;2:214-224. (In Russ.).

Solodkov IA. The public danger of crime and its criminal law dimension. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Saratov Publ.; 2013. (In Russ.).

Sych KA, Panarina VV. Public danger of an act in connection with the positivist concept of a dangerous state of personality. In: *3rd International Penitentiary Forum «Crime, Punishment, Rehabilitation» (To the 20th anniversary of the entry into force of the Penal Code of the Russian Federation), Ryazan, November 21–23, 2017: Collection of abstracts of speeches and reports*. Vol. 2. Ryazan; 2017. (In Russ.).

Teslenko AE. Public danger as a basis for criminalization of economic crimes. *Vestnik of the St. Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010;2:84-87. (In Russ.).

Hilyuta VV. Public danger and criminalization in the system of security measures. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Yugra State University*. 2022;4:44-50. (In Russ.).

Yani PS, Muradov ES. Fault, guilt, public danger. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2007;1:13-18. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хилюта Вадим Владимирович, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (ГрГУ имени Я. Купалы)

д. 22, Ожешко ул., г. Гродно 230029, Республика Беларусь

tajna@tut.by

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Khilyuta, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus

tajna@tut.by

Материал поступил в редакцию 25 августа 2023 г.

Статья получена после рецензирования 28 сентября 2023 г.

Принята к печати 16 января 2024 г.

Received 25.08.2023.

Revised 28.09.2023.

Accepted 16.01.2024.